

РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕКРЕТА «ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА И ШКОЛЫ ОТ ЦЕРКВИ» В БАШКИРСКОЙ АССР В 1920-е гг.

*Работа представлена кафедрой туризма и гостеприимства
Уфимской государственной академии экономики и сервиса.*

Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор С. А. Халфин

В статье изложены особенности реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в БАССР в 1920-е гг. Показаны нарушения декрета властью в политическом, административном и других отношениях. Выявлены нарушения декрета и со стороны религиозных обществ.

The article reveals the peculiarities of realisation of the decree «On separation of church from state and school from church» in the Bashkir ASSR in the 1920s. The author shows political, administrative and other violations of the decree by the authorities and violations of the decree by religious groups.

Поворотным этапом во взаимоотношениях государства и церкви стал декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января (2 февраля) 1918 г. (обнародован 23 января (5 февраля)). Он лишил церковь юридических прав, национализировал ее имущество, провозгласил свободу совести, запретил преподавание религиозных вероучений в общеобразовательных учебных заведениях¹. Наркомат юстиции 24 августа 1918 г. принял инструкцию «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”»².

Исполнение декрета в Уфимской губернии началось в 1918 г., когда был ликвидирован Уфимский Успенский мужской монастырь³. Гражданская война приостановила национализацию монастырского имущества, осуществление декрета возобновилось после окончания на территории губернии боевых действий (июнь-июль 1919 г.). Для сохранения монастырей, по Закону о социализации земли (19 февраля 1918 г.), их население стало создавать сельхозартели⁴. Так, летом 1919 г. земельный отдел Уфгуб-

исполкома организовал сельхозартель в Уфимском Благовещенском женском монастыре⁵, а к началу 1920-х гг. они действовали на базе всех женских монастырей губернии. Согласно декрету, граждане могли заключать договор с властью о пользовании молитвенными домами и предметами культа только после регистрации. В Уфимской губернии она началась после постановления губисполкома от 7 февраля 1920 г.⁶ В августе 1919 г. решением Уфгубревкома в г. Уфе закрыли все православные и мусульманские духовные учебные заведения⁷.

В БАССР допускались многочисленные нарушения декрета партией, государством, комсомолом и общественными организациями в политическом, административном, экономическом и других отношениях.

Провозгласив свободу совести, на практике декрет заложил основы политики атеизма, которую начали активно проводить партия и государство, создав при ЦК РКП(б) Агитационно-пропагандистский отдел (август 1920 г.) и Антирелигиозную комиссию (октябрь 1922 г.). Атеистическая работа в области образования, просвещения, культуры, ориентированная на разные

возрастные и социальные группы населения, проводилась через кружки, клубы, союзы безбожников, избы-читальни, дошкольные, учебные заведения и т. д. Власти использовали различные формы пропаганды: издание антирелигиозных листовок, журналов (с 1922 г. Башобком РКП(б) и РКСМ начали публиковать антирелигиозный журнал «Свет») и литературы, организация диспутов, лекций, внедрение нового быта (крестины и венчания были заменены «октябринами» и «красными свадьбами»), устройство в городах (Уфа, Бирск и др.) театрализованных представлений («Комсомольское рождество» и «Комсомольская пасха»)». Таким образом, в нарушение декрета о свободе совести государство проводило политику насильственного насаждения атеизма.

Идеология и политика воинствующего атеизма приводили к многочисленным нарушениям декрета административного характера. В первую очередь подобные нарушения допускались властью при передаче группам верующих молитвенных зданий. Так, в сводке БашНКВД от 30 октября 1926 г. сообщалось о том, что волисполкомы при заключении договоров с верующими в числе более 50 человек о передаче им в пользование молитвенных зданий требуют уставы, считая их уже религиозными обществами. И это несмотря на то, что декрет давал верующим право выбора: заключать договор как группа (20 чел. и более) или как религиозное общество (50 чел. и более)⁹. В период распространения обновленческого раскола власть, нарушая декрет, всемерно поддерживала раскольников и проводила регистрацию религиозных общин для передачи им храмов «на законных основаниях». Попытка православных вернуть себе храмы, зарегистрировав свои общины, сталкивалась с активным противодействием властей. Так, в 1923 г. началась борьба за уфимский кафедральный Воскресенский собор, духовенство которого отказалось от служения с обновленческим епис-

копом Николаем Орловым¹⁰. Массовым в 1920-е гг. был произвол местных властей в отношении духовенства и мирян: священников допрашивали и избивали (отчет по Стерлитамакскому кантону за 1925 г.)¹¹; отбирали и оскверняли предметы культа, сжигали книги и иконы, озлобляя тем самым верующих¹².

Распространенный характер носили экономические нарушения декрета. В частности, они включали в себя взимание местной властью за совершение обрядов и загсами при выдаче выписей кроме гербового еще и дополнительных местных сборов¹³. В записке членов партии Уфимского кантона в СНК СССР от 23 мая 1924 г. отмечалось, что подобные нарушения были ярко выражены в деревне, где совершалась «антирелигиозная вакханалия ВИКов» (волостных исполкомов) и за совершение таинств и обрядов взималась крупная плата (хотя по декрету власть не могла иметь доходов от отправления религиозного культа). За неисполнение указаний виновных наказывали. Причем местные власти старались «дело до суда не доводить», не желая, чтобы о нарушениях декрета узнали вышестоящие органы¹⁴. В итоге подобного рода притеснения подрывали хозяйство верующих, отдающих последнее за отправление платного обряда. Задолго до коллективизации в БАССР отмечались многочисленные случаи выселения сельсоветами духовенства из приходских и даже личных домов под предлогом размещения в них культпросветучреждений. Также властью практиковалось незаконное обложение духовенства налогами с целью вынудить отказаться от сана, причем сумма налогов назначалась сельсоветами произвольно, и нередко один и тот же налог требовали уплатить несколько раз¹⁵.

Религиозные общества активно выражали возмущение нарушениями властью декрета в многочисленных прошениях, письмах в центральные и местные органы управления. Протестуя против политики воинствующего атеизма, верующие отказыва-

лись посещать избы-читальни, антирелигиозные праздники и даже организовывали саботаж. Так, в Белебеевском кантоне в 1925 г. накануне 7 ноября во время антирелигиозной пьесы из угла в угол перебрасывалась и оплевывалась икона; на следующий день крестьяне устроили саботаж октябрьской демонстрации¹⁶. По предписаниям БашЦИКа БашНКВД поручал расследование жалоб кантисполкомам, которые направляли дополнительные инструкции волисполкомам по реализации декрета¹⁷.

Отметим, что определенные нарушения декрета (в основном об отделении школы от церкви) были и со стороны групп верующих и религиозных обществ. Так, Уфкантидел управления в циркуляре волисполкомам (14 мая 1923 г.) отмечал, что служители культов организуют в селах и деревнях школы с преподаванием религиозных вероучений¹⁸. В связи с массовым характером этих нарушений 10 декабря 1923 г. БашЦИК запретил преподавание вероучения в учебных заведениях и на дому группам из детей и подростков до 18 лет¹⁹. Для подготовки духовенства религиозные общества могли устраивать в молитвенных зданиях богослужебные курсы для лиц с 18 лет только с разрешения кантисполкомов и горсоветов. Подчеркнем, что власть проводила дифференцированную политику в отношении религиозных конфессий.

Так, циркуляр ЦК РКП(б) от 3 мая 1924 г. предлагал Башобкому не препятствовать открытию мусульманских религиозных школ и преподаванию вероучения в мечетях детям, окончившим советскую школу I ступени или достигшим 14 лет, – что запрещалось православным²⁰. Однако к концу НЭПа дифференцированная политика власти в отношении конфессиональных школ исчезла, и 3 сентября 1928 г. Башобком ВКП(б) призвал партийные и государственные органы начать «поход» на все религиозные школы²¹.

Подводя итог, отметим, что в ходе реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в 1920-е гг. в БАССР власть допускала массовые нарушения. Однако это не привело к открытым выступлениям верующих, выражающих свой протест против ущемления религиозных прав и свобод мирными и законными способами – через обращения в местные, республиканские и центральные органы управления. В ответ последние принимали дополнительные инструкции, высылаемые для руководства на места, и лишь в редких случаях начинали расследование конфликтов. Таким образом, в результате осуществления декрета церковь не получила обещанной свободы, оказалась в бесправном положении и находилась под жестким контролем и давлением со стороны государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 373–374.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 62. С. 759.

³ Васильева О.В. и др. Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 1993. С. 56.

⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 407.

⁵ Васильева О. В. и др. Указ. соч. С. 58.

⁶ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИА РБ). Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–2.

⁷ Васильева О. В. и др. Указ. соч. С. 62, 64, 67, 95, 97.

⁸ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее – ЦГАОО РБ). Ф. П-122. Оп. 1. Д. 84. Л. 23.

⁹ Там же. Д. 527. Л. 23.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 266. Л. 41–41об.

¹¹ ЦГАОО РБ. Ф. П-122. Оп. 4. Д. 35. Л. 222об.

¹² ЦГИА РБ. Ф. Р-1252. Оп. 4. Д. 426. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 5, 79.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ *Зимина Н. П.* Православные святые башкирской земли: священномученик Петр Варламов // Русские Башкортостана: история и культура: Сб. науч. тр. Уфа, 2003. С. 269–286.

¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-1252. Оп. 3. Д. 41. Л. 115.

¹⁷ Там же. Д. 416. Л. 69.

¹⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-251. Оп. 1. Д. 358. Л. 132.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1252. Оп. 3. Д. 427. Л. 69.

²⁰ ЦГАОО РБ. Ф. П-122. Оп. 3. Д. 24. Л. 174; Д. 129. Л. 3, 4.

²¹ Там же. Оп. 7. Д. 112. Л. 93.